

ПОЕЗДКА ВО ВЬЕТНАМ

В октябре 1958 г. Институт этнографии командировал во Вьетнам двух своих сотрудников — автора этой работы и А. И. Мухлинова¹. В круг наших задач входило установить контакты с научными учреждениями этой страны и отдельными учеными, а также собрать материалы по современной этнографии народов Вьетнама, главным образом для соответствующих глав издающейся серии «Народы мира».

Вьетнамские товарищи, давно ожидавшие запланированного приезда советских этнографов, провели большую подготовительную работу. Это позволило нам приступить к работе на следующий же день. Первые две недели мы провели главным образом в самом Ханое, посещая различные научные учреждения и встречаясь с компетентными вьетнамскими специалистами. Время наше было заполнено весьма интенсивно, сообразуясь с часами деятельности учреждений во Вьетнаме. Работа начиналась обычно в 7 час. утра и длилась до 11 час. 30 мин. В этот час в учреждениях Ханоя раздаются громкие звуки сирены, возвещающие обеденный перерыв с обязательной следующей за обедом сиестой, или по-просту «мертвым часом», длящимся до 2 час. Вторая половина рабочего дня обычно длится с 2 до 5 час. 30 мин. Время сиесты мы обычно использовали для осмотра города и пригородов, а вечер — либо для подготовки к очередной беседе, либо для ознакомления с искусством столицы.

Из научно-исследовательских учреждений мы наиболее тесно были связаны с Комитетом по делам национальных меньшинств, который, подобно министерствам и Комитету литературы, истории и географии, ведет, помимо научной, и практическую работу. В настоящее время ряд этих организаций расформировывается и частично заменяется вновь создаваемыми институтами, в том числе историческим.

Кроме того, мы ознакомились с деятельностью университета, где на ряде факультетов, кроме педагогической, проводится большая научно-исследовательская работа. В частности, мы ознакомились с работами историков и археологов. Археологами на базе реорганизованного музея Луи Фино создан Вьетнамский исторический музей. В нем сосредоточена богатая коллекция памятников культуры народов Юго-Восточной Азии. Вьетнамские ученые на основе марксистской методологии перестроили экспозицию музея, освободив ее от колониально-экзотического привкуса, присущего стилю некоторых французских исследователей Индокитая, и создали яркую и запоминающуюся картину истории своей страны.

Несмотря на то, что колонизаторы после своего поражения ограбили многие научные учреждения, вывезя перед своим уходом множество коллекций и литературы, в Центральной научной библиотеке сохранилось много сокровищ — ценнейшие издания, рукописные и архивные материалы и очень интересная и хорошо организованная фототека. Как и везде, вьетнамские товарищи проявили много старания и заботы, чтобы мы в имевшийся у нас короткий срок смогли с максимальной полнотой использовать эти материалы, а также получить по возможности исчерпывающую информацию по самым разнообразным вопросам, как, например, современная музыкальная культура вьетнамцев, вьетнамский народный театр и т. д.

С театром, впрочем, мы имели все возможности познакомиться лично, и не только просмотреть наиболее типичные постановки, но и пройти на сцену, за кулисы, наблюдать работу режиссеров, постановщиков, художников, костюмеров, настройку музыкальных инструментов, короче — ознакомиться со всем процессом создания спектакля, который в стране далеко не везде одинаков. Театр во Вьетнаме делится на много национальных жанров, не говоря уже о театре западного стиля. Следует отметить еще одну особенность вьетнамского национального театра — он крайне популярен среди всех слоев населения. Цены на билеты весьма доступны, и зал неизменно бывает переполнен.

За эти же две недели мы успели несколько раз съездить в близлежащие деревни в радиусе до 30 км от Ханоя (рис. 1), в основном известные ремесленными производствами — бумажным, ткаческим, керамическим, побывать там же в ряде исторических мест и детально осмотреть сам Ханой — его улицы, рынки, храмы, ремесленные кварталы. Ханой — очень красивый и своеобразный город. Он образован в основном прямоугольной сетью широких и длинных зеленых тенистых улиц. Дома, как правило, окрашены в светлые тона, выдержаны в современном простом и удобном для тропических стран стиле, с некоторыми декоративными элементами, характерными для дальневосточной архитектуры. Лишь ремесленные и торговые кварталы старого города, с их запутанными и узкими улочками, несколько напоминают застройку южнокитайских провинциальных городов. Автомобилей на улицах Ханоя не очень много, пешеходов вряд ли многим больше, зато поражает громадное количество велорикш и велосипедов, в управлении которыми вьетнамцы достигли высокой виртуозности. Не редкость увидеть на велосипеде целое семейство: отец правит, мать сидит сзади на багажнике, свесив ноги обязательно влево, обе руки ее заняты вязанием, и в то же время она, не переставая, беседует с супругом, тогда как младенец спокойно сидит в креслице, укрепленном на раме за рулем.

Кроме велосипедов, наиболее широко распространенным предметом на любой вьетнамской улице или дороге, городской или сельской, является бамбуковое коро-

¹ Информация А. И. Мухлинова будет дана в одном из ближайших номеров журнала.

мысло. Оно с подвешенными к нему корзинами обычно используется для перевозки грузов. На всех улицах города можно видеть десятки торговцев, сидящих на цицах на мостовой и разложивших на этих корзинах свои товары — фрукты, рыбные изделия и т. д. Протяжным выкриком они зазывают покупателей. Раннее перед началом работы, тротуары на перекрестках превращаются в импровизированные столовые: торговка раздает со своих корзин чашки, палочки и холодные закуски, покупатели тут же садятся на корточки и завтракают. Обедают все плотно в жилищах дома, ужин же иногда бывает на улице, как и завтрак, но по вечерам торговцы уже не корзины, а жаровни на тех же коромыслах, и торгуют они горящей — рисовой кашей с курицей.

В первых числах ноября мы выехали в первую из запланированных въездов в товарищами совместных полевых экспедиций. Переезд занял один день, в которого мы пересекли дельту Красной реки. Дороги в этом густонаселенном очень хорошие, так что ехали мы без затруднений. Нам удалось посетить

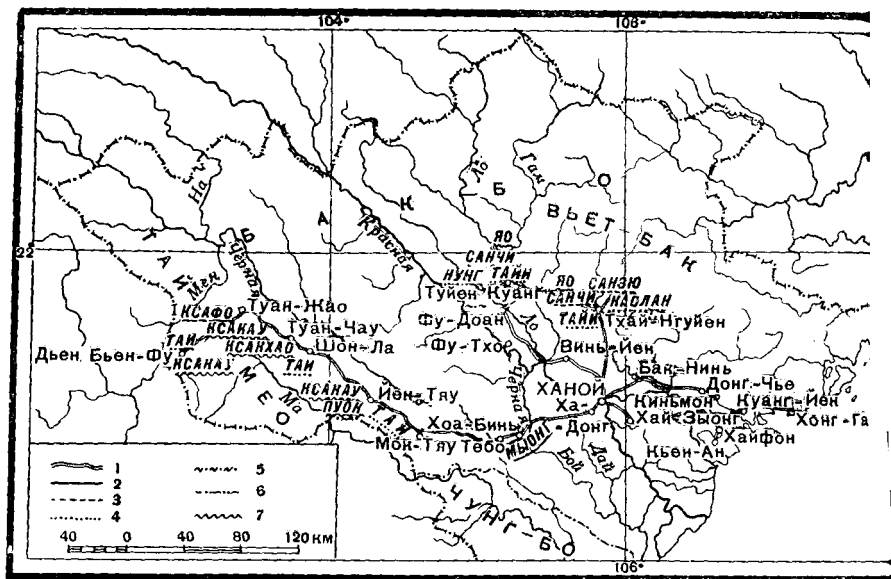

Рис. 1. Расселение народностей, обследованных экспедицией

1 — маршрут экспедиции

Языковые группы народностей

2 — вьетнамская, 3 — китайская, 4 — тайская, 5 — мяо-яо, 6 — тибето-бирманская, 7 — мон-кхмерская

провинции Хай-Зыонг, где находилась выбранная для исследования деревня, и встретиться с представителями провинциального административного комитета, с чем мы вместе с его председателем поехали дальше.

Во второй половине дня мы уже были в уездном центре Киньмон (рис. 3), а утром присутствовали на торжественном собрании, где глава провинции вручил деревне, которая за короткий срок полностью ликвидировала неграмотность.

Последующая неделя была посвящена этнографическому изучению двух деревень — Хиеп-Сон и Хиеп-Ан, находящихся в полутора километрах от Киньмона. Довольно детально ознакомились с современной культурой крестьян, их жилищной одеждой, сельскохозяйственными орудиями и т. д. Удалось нам это, конечно, благодаря помощи сопровождавших нас вьетнамских ученых и всего населения. Жители деревень относились к нашей работе с исключительным пониманием и сотрудничеством, так что стоило только попросить одного из них, как уже к дому, где мы работали, со всей деревни начинали сходить люди, извлекая со дна своих сундуков интересовавшие нас предметы домашнего обихода, так что мы, мобилизовав всех наших спутников, еле успевали фотографировать, обмерять и записывать все то, что нам было нужно. Когда мы заходили на какую-либо усадьбу, хозяева, осведомленные о наших интересах, не дожидаясь просьбы, выносили из дома во двор для фотографирования всю обстановку, разбирали на части инвентарь (например, ручные мельницы, веялки), сами обращали наше внимание на особенности усадьбы. Это значительно облегчало и упрощало нашу работу.

В Ханой мы вернулись только на праздник 41-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции и сразу же после праздника выехали в самый длинный и трудный наш маршрут — в автономную область Таи-Мео.

Мы проехали по знаменитой дороге № 6, которая во время войны была единственным путем снабжения войск, сражавшихся за Дьен-Бьен-Фу; естественно, что она подвергалась особенно ожесточенным бомбардировкам французской авиации. Сейчас правительство и народ Вьетнама прилагают большие усилия к восстановлению горных дорог, и нам повсюду встречались дорожные машины — грейдеры, катки — и группы солдат и местных жителей, занятых строительством. Однако на ряде участков дорога продолжает оставаться очень тяжелой, и нам не раз приходилось выходить из машин, чтобы протолкнуть их по крутым каменистым осыпям или вытащить из воды, когда моторы глохли при переезде вброд.

Однако все трудности пути были щедро вознаграждены: в Таи-Мео мы собрали богатейший материал для наших будущих исследований. Прежде всего мы использовали наличие в двух городах области — Туан-Чау и Шон-Ла — школ национальных кадров, где сконцентрировано много представителей самых малочисленных народностей из самых труднодоступных областей; они к тому же обладают достаточной

Рис. 2. Мостик к храму в деревне Дай-Фук близ Ханоя

образованностью, позволяющей получить более подробную, детальную и квалифицированную информацию, чем просто при опросе сельского населения. Здесь мы прежде всего уточнили вопросы этно-лингвистической классификации, а также выяснили многие стороны духовной культуры.

Этно-лингвистическая классификация населения Вьетнама далеко не проста. Народы Вьетнама распадаются на много языковых групп, причем вопросы их родства во многом остаются спорными, и в науке нет еще установившегося мнения в этой области. Например, вопросы о том, составляют ли тайские и китайские языки единую тай-китайскую группу китайско-тибетских языков или образуют две равнозначные группы; являются ли мон-кхмерские и малайско-полинезийские языки членами одной языковой семьи или же составляют две отдельные независимые семьи. Наконец, спорен вопрос о принадлежности самого вьетнамского языка. Даже отбросив эти споры и придерживаясь эмпирического разделения на наиболее явно выделяющиеся группы, мы получим весьма пеструю картину. Помимо собственно вьетнамцев, которые вместе с мьянгами образуют особую языковую группу, можно выделить следующие группы: мон-кхмерскую, малайско-полинезийскую, тибето-бирманскую, тайскую и отдельно от нее китайскую, наконец, мало изученную группу мяо-яо.

Существующие обиходные вьетнамские сборные наименования отдельных групп народов, как, например, «кса» или «ман», включают народы, говорящие на языках различных семей. Так, например, к группе «ман» относили, кроме различных подразделений яо, также каолан — народ тайской группы. Более того, оказалось, что под одним и тем же именем — ксакхао — были известны два народа: один мон-кхмерской, а другой тибето-бирманской принадлежности.

Мы встретили также, помимо различных диалектальных подразделений мяо, группу, тоже относящую себя к мяо, но говорящую на совершенно непонятном другом мяо языке, хотя он, несомненно, должен быть отнесен к той же группе мяо-яо. С другой стороны, этнонимы, зафиксированные в представленных нам документах как имена отдельных народов, на проверку оказываются часто принадлежащими одному и тому же народу.

При непосредственной полевой работе в деревнях нацменьшинств на первый план выдвигалось изучение материальной культуры. Мы посетили несколько тайских дере-

вень, три деревни ксакау, одну деревню ксакхао и одну деревню пуок. За исключением тайских деревень (рис. 4), которые расположены в долинах небольших речек, в деревни остальных перечисленных нацменьшинств, принадлежащих в этно-лингвистическом отношении к горным мон-кхмерам, находятся высоко в горах, и туда приходилось идти по руслам ручьев и по горным тропам пешком за 10—15 км. В более легко доступных местах находятся поселения мыонгов, близких по языку и культуре к собственно вьетнамцам. Два таких селения мы посетили на обратном пути в провинцию Хоа-Бинь.

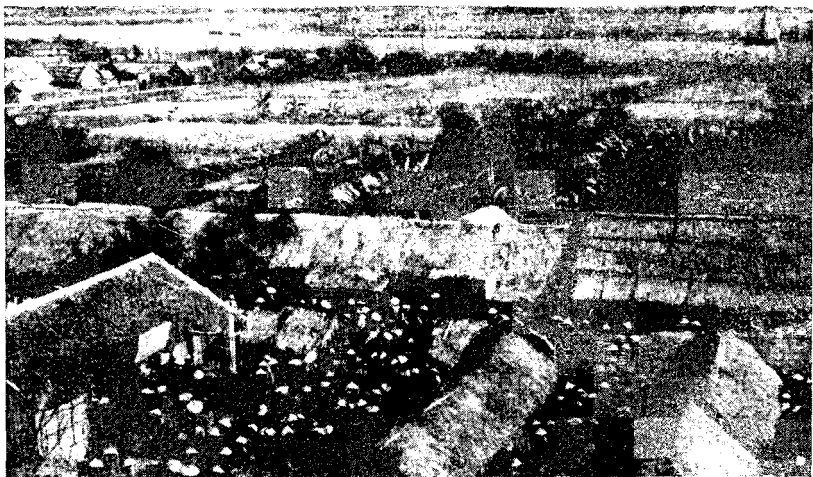

Рис. 3. Вид местечка Киньмон в рыночный день

Рис. 4. Тайский поселок в районе Мок-Чау (Таи-Мео)

Поездка в Таи-Мео заняла две недели. По возвращении мы задержались в Ханой только на один день и сразу же выехали в другую автономную область Вьетнама — Вьет-Бак. Это путешествие заняло у нас последнюю неделю ноября. Во Вьет-Бак наши исследования велись по тем же направлениям, что и в Таи-Мео, причем основное внимание было сконцентрировано на изучении различных подразделений яо, составляющих вместе с мяо особую группу, а также ряда тайских народностей, как тайи, нун, каолан (рис. 1).

Повсюду в самых отдаленных и затерянных в лесах деревнях Вьетнама все оказалось так мала до велика хорошо знают и уважают Советский Союз, и к нам — двум представителям братской социалистической страны — везде относились с большим радушием и теплотой. Невозможно забыть ряд трогательных эпизодов. Когда мы шли в деревню ксакау, в районе Туан-Чау, несколько жителей встретили нас по дороге и побежали

вперед, чтобы предупредить о нашем приходе. Через несколько часов, когда мы дошли до деревни, вся она была прибрана, чисто выметена и все население, одетое в лучшие праздничные платья, приветствовало экспедицию на тропе радостными криками. До начала осмотра и сбора полевого материала все собрались в самом большом свайном доме (это, впрочем, не был общинный дом, их мы уже не встречали нигде в маленьких горных деревнях). Тут же в знак приветствия гостей импровизировались хвалебные песни под аккомпанемент тростниковой губной гармоники и маленькой свирели, на

Рис. 5. Женщины яо в районе Туйен-Куанга (Вьет-Бак)

Рис. 6. Женщина ксаккау за ткацким станком. Район Туан-Чау (Таи-Мео)

которой, как нам сказали, специально играют только в тех случаях, когда хотят показать, что гость приятен хозяевам. Староста поселка обратился к нам с глубоко проникновенной и поэтичной речью, образность которой хорошо дошла до нас, несмотря на четырехступенчатый перевод — с ксаккау — на таи, с таи — на вьетнамский, с вьетнамского — на французский. Заметим попутно, что такой перевод в нашей практике был самым обычным, но иногда число ступеней возрастало. Рекордным был случай, когда мы вели опрос женщины из народа уни: приходилось переводить с русского на французский, с французского на вьетнамский, с вьетнамского на таи, с таи на ксакхао-муонг-тэ, с ксакхао-муонг-тэ на уни. Ответ проходил обратный цикл.

В деревне пуок, после того как мы закончили все работы, жители заявили нам, что теперь мы стали друзьями и что, как это положено между друзьями, они хотели бы распить с нами кувшин рисового пива. Обряд этот неоднократно описан в лите-

ратуре, но мы позволим себе остановиться на некоторых его деталях. Герметично закупоренный кувшин, в котором замоченный рис выдерживался две недели вместе с ферментом из листьев некоторых деревьев, был вскрыт. В слегка влажную массу разбухших зерен хозяин дома вбил три гибкие, но прочные тростниковые трубки, затем маленьким буйволовым рогом зачерпнул родниковую воду из бамбукового сосуда, в каких вода обычно переносится и хранится (рис. 8) и влил ее в кувшин. Воду вымывает из зерен содержащийся в них спирт, и этот раствор тянут через тростники все присутствующие группами по трое (в различных сочетаниях) по очереди. Пиво было довольно крепкое и очень приятное на вкус, закуской служили бананы и вареные корни таро. Завязалась оживленная и непринужденная беседа, и кажется даже, что число ступеней перевода в ходе этой беседы несколько сократилось.

Трогательна была также неподдельная радость детей, встречавших нас в детской секции школы национальных кадров близ Шон-Ла. Они встретили нас с подарками: глиняными изображениями пионерских значков и вырезанными из бумаги изображениями орнамента своих народов. А. И. Мухлинову один мальчик подарил, очевидно,

Рис. 7. Девушки яо (слева) и носу в национальных костюмах. Школа национальных кадров в Тхан-Нгуйене (Вьет-Бак)

свое любимое сокровище — резиновую рогатку. Потом на большой ровной и зеленой поляне, окруженной уступами гор, начались танцы. Под звуки свирелей и барабана на зеленой траве закружились десятки хороводов. Взрослые и дети танцевали по обычаям своих народов — таи в черных костюмах и вышитых тюрбанах шли сдержанно и плавно, девушки мяо в плиссированных юбках плясали веселей, а в центре хоровода двое юношей мяо вдруг пустились вприсядку, очень похожую на наши русские и украинские пляски.

За несколько недель пребывания в автономных районах мы очень сдружились и сроднились с этими гостеприимными и сердечными людьми, которых французские колонизаторы пренебрежительно называли «дикарями». На самом же деле у всех этих народов имеется своя, по-своему высокая, интересная и ценная культура. Мы говорили здесь не только о художественной культуре, о большом вкусе, проявившемся в песнях, танцах, музыке, одежде, орнаменте, но и о высокой культуре поведения — тактичности, вежливости, свойственной всем кса, яо и другим народам Вьетнама, и даже о культуре труда и быта. На каждом шагу нам попадались простые, но очень остроумные приспособления, использующие силу падающей воды для обмолаа риса. Во многих домах у входа можно видеть специальные умывальники (разумеется, из бамбука, а не все остальное), предназначенные для омовения ног перед тем, как подняться в святиный дом, который почти всегда содержится в достойной подражания чистоте. В некоторых домах мы встречали даже водопровод, который по бамбуковым трубам подает воду из ближайшего ручья прямо в дом.

Однако многие годы феодального и колониального угнетения чувствительно задерживали хозяйственное и культурное развитие горных областей Вьетнама. До сих пор

одним из основных источников существования здесь является подсечно-огневое земледелие. Многие малые народы бежали высоко в горы, спасаясь от террора захватчиков; теперь, после освобождения страны, их страх проходит, они начинают постепенно спускаться в прежние места обитания. Вьетнамская партия трудящихся и правительство проводят большую работу по пропаганде передовых методов земледелия, по охране и рациональному использованию лесных богатств. В результате, как мы могли убедиться на месте, многие деревни полностью отказываются от подсечно-огневого земледелия и переходят к поливному рисосеянию террасового типа.

Кроме таи, издавна пользовавшихся различными вариантами палического письма, ни один народ горного Вьетнама не имел ранее своего алфавита. Теперь создана латинизированная письменность для языков мяо и тайи, но работа по ее внедрению только начинается. Основными языками общения различных народностей служат во Вьет-Баке и Хоа-Бини вьетнамский, а в Таи-Мео — тайский. На этих языках и ведется в основном преподавание в школах, которые имеются сейчас почти в каждой горной деревушке, — вещь неслыханная и невообразимая в годы французского господства.

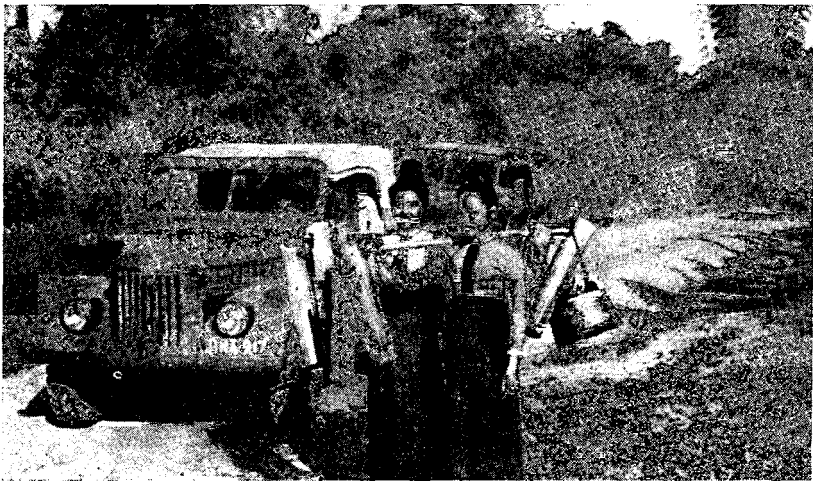

Рис. 8. Женщины таи, несущие воду. Район Шон-Ла (Таи-Мео)

В быту большинства национальных меньшинств, особенно в Таи-Мео, сохраняется много черт национального своеобразия. Хотя фабричные ткани довольно широко распространены почти везде, но в значительных размерах используются и домотканые материи (рис. 6). Национальный костюм, в особенности среди женщин, сохраняется почти повсеместно и полностью (рис. 5 и 7). Много специфических черт можно отметить и в архитектуре жилищ разных народов; интересно при этом упомянуть, что в смешанных поселениях одни народности пользуются наземными, а другие — свайными домами. Однако в ряде мест, где собственно вьетнамцы (так называемые «кин»¹) проживают вперемежку с народами тайской группы, например каолан или санчи (китаезычных каолан), они переходят к свайному типу дома, принятому у их соседей, хотя и вносят в него некоторые модификации. Меньше своеобразия встречается в орудиях труда и домашней утвари, которые большей частью следуют либо вьетнамским, либо тайским образцам.

Что касается так называемых «европейских», или «западных», влияний в быту, то и они сочетаются с национальными традициями. Например, национальный головной убор вьетнамцев — коническая шляпа из бамбука, пальмового листа и т. д. — сейчас в значительной степени заменен так называемым тропическим шлемом из пробки, луба и других растительных материалов. Очевидно, здесь сказывается близость шлема по характеру, защитным качествам, материалу к традиционной шляпе. У таи, напротив, шлем не прививается, зато очень многие носят черные береты, мало употребительные среди собственно вьетнамцев. Дело в том, что национальный головной убор таи — тюрбан — близок к берету по форме, материалу и цвету; на некотором расстоянии часто не сразу можно понять, носит ли человек тюрбан или берет.

Собранный нами материал, разумеется, нуждается в длительной обработке, и не место в данной заметке, носящей лишь информационный характер, делать какие-либо выводы. Можно лишь упомянуть о некоторых узловых проблемах, по которым распределяется этот материал, с учетом которых будет проведена научно-исследовательская работа.

Прежде всего результаты нашей экспедиции позволят внести существенные уточнения в этно-лингвистическую карту Вьетнама, особенно его северной части. Во время

полевой работы мы собрали сравнительные языковые данные, позволяющие решить вопрос о классификации по языковым группам некоторых малых народностей, известных до того только по названию, да и то лишь во Вьетнаме, а не в мировой научной литературе. Этот же материал, возможно, позволит уточнить наши сведения о степени близости и характере связей между различными группами мяо и яо и внесет известную ясность в крайне сложные проблемы исторического развития и этнических связей ряда малых народностей, которые, будучи весьма далеки по своей культуре китайцев, говорят на диалектах китайского языка, зачастую столь своеобразных, что

Рис. 9. Новые дома рабочих цементного завода в Хайфоне

Рис. 10. Транспортная джонка в дельте Красной Реки

их, возможно, следует признать особыми, близко родственными китайскому языками. Таковы некоторые народы Вьет-Бака как санзю, санчи, квичау и, может быть, другие.

Возможно, что известную ценность представит сравнение различных похоронных обрядов, зафиксированных нами у ряда тайских, тибето-бирманских и мон-кхмерских народов; здесь, несмотря на различия в языке, проявляется несомненная общность, причем создается впечатление, что в наши дни у различных народов представлены различные этапы развития похоронного обряда; общие черты проявляются, например, в украшении могилы флажками, для окраски которых у большинства народов употребляется кровь жертвенных животных.

Исследование населения автономных областей заняло весь ноябрь, а первые недели декабря мы посвятили изучению быта вьетнамских рабочих и рыболовецкого

приморского населения. Для этого мы выехали в Хайфон и в расположенный рядом особый округ Хонг-Куанг, выделенный ввиду своего большого хозяйственного значения. В Хайфоне мы посетили ряд старых и новых промышленных предприятий — цементный завод, верфь, рисоочистительную и рыбоконсервную фабрики. В Хонг-Гае основное промышленное предприятие — знаменитые хонгайские угольные копи. В обоих городах мы осмотрели старые и новые рабочие поселки, посетили ряд рабочих семей, собрали информацию, сравнивая полученные сведения с тем, что наблюдали сами. Мы без труда убедились в том, как неузнаваемо изменился быт вьетнамских рабочих за четыре года, прошедших со времени окончания войны (рис. 9).

Очень интересен облик обследованной нами рыбацкой деревни вблизи Хонг-Гая. Все селение состоит из вбитых в дно залива причальных свай, мола и расположенных на нем двух-трех административных зданий. Население деревни целиком живет на судах. Эта рыбацкая деревня также охвачена процессом кооперации, быстро развивающимся сейчас среди вьетнамского крестьянства. На примере местного кооператива наглядно можно было видеть, как благотворно влияют обобществление средств производства и плановая организация хозяйства на повышение производительности труда: улов в кооперативе в полтора раза выше, чем у индивидуальных рыбаков той же деревни.

Мы подробно изучали различные, очень остроумные орудия лова а также суда — маленькие рыбацкие и большие транспортные. Нельзя не восхищаться гением народа, который при помощи самых простых орудий и материалов создает такие технически совершенные и приспособленные к местным условиям корабли. Это плоскодонные суда, имеющие при достаточной грузоподъемности ничтожную осадку (для рыбацких лодок — 30 см), что позволяет им вплотную подходить к любым островкам, окруженным известковыми рифами, — такими островками усеян живописный залив Алонг. В то же время выдвижной шверткиль кинжального типа, сделанный из массивной доски, пропущенной через колодец в днище, и регулируемый руль обеспечивают судам достаточную устойчивость и хорошую маневренность (рис. 10).

Вернувшись в Ханой, мы возобновили работу над некоторыми очень ценными и редкими изданиями, хранящимися в Научной библиотеке. Теперь, после поездок в районы национальных меньшинств, следовало более критически подойти к имеющимся в литературе этнографическим данным, а с другой стороны, попытаться подобрать недостающие звенья в сложившихся во время экспедиции представлениях об этническом облике Северного Вьетнама.

Много времени также ушло на подготовку к лекциям, которые мы должны были прочесть в университете по просьбе вьетнамских товарищей. Эта просьба налагала на нас большую ответственность, так как темы трех запланированных лекций были весьма широки — они включали предмет, метод и задачи этнографии, связь этнографии со смежными дисциплинами и основные этапы этнической истории Юго-Восточной Азии. Несмотря на недостаточность наших познаний, нам пришлось мобилизовать все наши возможности и общими усилиями подготовить и провести эти лекции, так как вьетнамские ученые настоятельно просили нас сообщить им о достижениях советской этнографической науки. Кроме лекций, нас попросили также дать практические консультации музейным и библиотечным работникам в Историческом музее и Научной библиотеке. Этими мероприятиями завершилась наша работа во Вьетнаме, в течение которой, таким образом, мы не только собрали очень ценный научный материал, но и в меру наших сил помогли вьетнамским ученым, передав им какую-то часть опыта советской этнографической науки.

В заключение хотелось бы еще раз выразить свою благодарность всем участвовавшим так или иначе в нашей работе вьетнамским товарищам — партийным и государственным работникам, ученым, трудящимся города и деревни, которые проявили большое внимание к нашей работе и стремились всячески содействовать ей, оказав нам тем самым поистине неоценимую помощь.

С. А. Арутюнов